

не лежит отреченіе отъ личности, благоволеніе ко всѣмъ людямъ, то слагается только животная жизнь. Она подвержена еще большимъ бѣдствіямъ, еще большому неразумію, чѣмъ жизнь безъ этой, мнимой, любви. Чувство пристрастія, называемое любовью, не устраняетъ борьбы за существованіе, не освобождаетъ человѣка отъ погони за наслажденіями, но еще больше затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, усиливаетъ жадность къ наслажденіямъ для себя и другихъ.

Дѣятельность любви, всегда удовлетворяющая самого человѣка и другихъ, возможна только тогда, когда, отвергнувъ благо личной жизни и заботы объ этомъ ложномъ благѣ, я освободилъ въ себѣ собственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Положить душу свою за други своя — вотъ въ чемъ состоитъ истинная любовь. Миръ только и стоитъ такою любовью. Мать, кормящая ребенка, прямо отдаетъ свое тѣло въ пищу дѣтямъ, которыя безъ этого не были бы живы. И всякій работникъ для блага ближнихъ, изнашивая свое тѣло въ трудѣ и приближаясь къ смерти, также отдаетъ себя въ пищу другому. Истинная любовь проявляется въ душѣ человѣка, какъ чутъ замѣтный, нѣжный ростокъ, среди похожихъ на него ростковъ грубыхъ, сорныхъ травъ, — разныхъ похотей, которыя мы называемъ любовью.

Въ обращеніи къ кружку молодежи Толстой изобразилъ условія, которыя дѣлаютъ жизнь людей несчастной и озлобленной. Такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ хочетъ добыть наиболѣе радостей для своего «я». Чего хочется одному, того хочется и всѣмъ другимъ: а потому люди не перестаютъ бороться и злиться другъ на друга. Нужно дѣлать то, чего хочетъ духъ, живущій въ насъ такъ же, какъ и во всѣхъ людяхъ. Онъ хочетъ блага себѣ, духу. А такъ какъ духъ во всѣхъ людяхъ одинъ и тотъ же, то хочетъ блага всѣмъ людямъ. Не всегда можно добыть то, что нужно тѣлу: чтобы добывать, нужно бороться съ другими. Но человѣкъ всегда можетъ угодить душѣ: душа нуждается только въ любви, а для любви не нужно ни съ кѣмъ бороться.

Мы говоримъ, что жить будетъ лучше, когда сложится хороший строй жизни. Но это невозможно, пока люди плохи. Наше спасеніе — только въ признаніи, что истинная жизнь не опредѣляется условіями нашего тѣлеснаго существованія, что она — въ Духѣ Божіемъ, который живетъ въ насъ.

А потому всѣ успія, которыя затрачивались до сихъ поръ